

1001 ночь.

Рассказ о шести невольницах

Рассказывают также, что повелитель правоверных аль-Мамун в один из дней был у себя во дворце, и призвал он всех особ своего государства и вельмож царства, и призвал к себе также стихотворцев и сотрапезников. И был среди его сотрапезников один сотрапезник по имени Мухаммед аль-Басри. И аль-Мамун обратился к нему и сказал: "О Мухаммед, я хочу, чтобы ты рассказал мне что-нибудь, чего я никогда не слышал". – "О повелитель правоверных, хочешь ли ты, чтобы я передал тебе рассказ, который я слышал ушами, или рассказал тебе о том, что я видел глазами?" – спросил Мухаммед, и аль-Мамун ответил: "Расскажи мне, о Мухаммед, о том, что более всего удивительно".

"Знай, о повелитель правоверных, – сказал тогда Мухаммед, – что был в минувшие дни человек из тех, что живут в благоденствии, и родина его была в Йемене, но потом он уехал из Йемена в наш город Багдад, и ему показалось хорошо жить в нем, и он перевез в Багдад своих родных и свое имущество и семью. А у него были шесть невольниц, подобных лунам: первая белая, вторая – коричневая, третья – упитанная, четвертая – худощавая, пятая – желтая и шестая – черная, и все они были красивы лицом и совершенны по образованию, и знали искусство пения и игры на музыкальных инструментах. И случилось, что он призвал этих невольниц в какой-то день к себе и потребовал кушанье и вино, и они стали есть, и пить, и наслаждались, и радовались, и господин их наполнил кубок и, взяв его в руку, сделал знак белой невольнице и сказал: "О лик новой лупы, дай нам услышать сладостные слова".

И она взяла лютню и настроила ее и стала повторять на ней напевы, пока помещение не заплясало, а потом она завела напев и произнесла такие стихи:

"Мой любимый стоит всегда пред глазами,

Его имя начертано в моем сердце.

Его вспомню, так все во мне – одно сердце,

Его вижу, так все во мне – одно око.

Мне сказали хулители: "Позабудешь!"

Я сказала: "Чему не быть, как же будет?"

Я сказала: "Уйди, хулитель, оставь нас,

Не старайся уменьшить то, что не мало".

И их господин пришел в восторг и выпил свой кубок и дал выпить невольницам, а потом он наполнил чашу и, взяв ее в руку, сделал знак коричневой невольнице и сказал: "О свет факела, чье дыхание благовонно, дай нам послушать твой прекрасный голос, внимающий которому впадает в соблазн!" И она взяла лютню и повторяла напевы, пока все в помещении не возликовало, и похитила сердца взглядами и произнесла такие стихи:

"Поклянусь тобою, других любить не буду

До смерти я, и любовь к тебе не предам я.

О полный месяц, прелестью закрывшийся,

Все прекрасные под твои идут знамена.

Ты тот, кто превзошел прекрасных нежностью,

Ты одарен творцом миров, Аллахом!"

И их господин, пришел в восторг, и он выпил свою чашу и напоил невольниц, а потом он наполнил кубок и, взяв его в руку, сделал знак упитанной невольнице, и велел ей петь, перебирая напевы. И невольница взяла лютню и заиграла на голос, прогоняющий печали, и произнесла такие стихи:

"Коль впрямь ты простил меля, о тот, к кому я стремлюсь,

Мне дела нет до всех тех, кто сердится.

И если появится прекрасный твой лик, мне нет

Заботы о всех царях земли, если скроются.

Хочу я из благ мирских одной лишь любви Твоей,

О тот, к кому прелесть вся, как к предку возводится!"

И их господин пришел в восторг и взял чашу и напоил невольниц, а потом он наполнил чашу и, взяв ее в руку, сделал знак худощавой невольнице и сказал: "О гурия садов, дай нам послушать твои прекрасные слова!" И она взяла лютню и настроила ее и перебрала напевы и произнесла такие стихи:

"Клянусь, на пути Аллаха [365] то, что ты сделал мне,

Расставшись со мной, когда терпеть без тебя не в мочь.

Клянусь, нас судья в любви рассудит, и он воздаст

Мне должное за тебя, творя справедливый суд".

И их господин пришел в восторг и выпил кубок и напоил невольниц, а потом он наполнил кубок и, взяв его в руку, сделал знак желтой невольнице и сказал: "О солнце дня, дай нам послушать твои нежные стихи!"

И она взяла лютню и ударила по ней наилучшим образом и произнесла такие стихи:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Мой любимый, когда ему я являюсь,

Обнажает меч острый глаз предо мною.

Пусть хоть частью возьмет Аллах с него долг мне,

Раз жесток он, а дух ведь мой в его власти.

Всякий раз, как стажу душе: "Его брось ты!"

Все стремится душа моя лишь к нему же.

Лишь его средь других людей я желаю,

Но питает судьбы рука ко мне зависть".

И их господин пришел в восторг и выпил и напоил невольниц, а затем он наполнил чашу и, взяв ее в руку, сделал знак черной невольнице и сказал: "О чернота глаза, дай нам услышать хоть два слова". И она взяла лютню и настроила ее и натянула струны и прошлась по ним на много ладов, а затем вернулась к первому ладу и, затянув напев, произнесла:

"О глаз, прошу, будь щедр, подари мне слезы,

В любви моей утратила жизнь совсем я.

Со страстью всякой я борюсь к любимым,

Но я влюблена, и радуется завистник.

Хулитель не дает мне роз ланиты,

Когда душа моя стремится к розам.

Здесь чаши ходят вокруг с вином пьянящим,

И радость здесь, при музыке и лютне.

Пришел ко мне любимый, увлеклась я,

И звезды счастья ярко нам сняли.

Но без вины задумал он расстаться,

А есть ли горше что–нибудь разлуки?

Его ланиты – сорванные розы;

Клянусь Аллахом, розы щек прекрасны!

Когда б закон позволил яиц нам падать

Не пред Аллахом, пала бы ниц пред ним я".

И после этого рабыни поднялись и поцеловали землю меж рук их господина и сказали: "Рассуди нас, о господин".

И владелец их посмотрел на их красоту и прелесть и на их неодинаковый цвет, и восхвалил Аллаха великого и прославил его и потом сказал: "Каждая из вас читала Коран и научилась напевам и знает предания о древних и сведуща в историях минувших пародов, и я хочу, чтобы каждая из вас поднялась и указала рукой на свою соперницу – то есть белая укажет на смуглую, упитанная – на худощавую, желтая – на черную, – и пусть каждая из вас восхваляет себя и порицает свою подругу, а потом встанет ее подруга и сделает с ней то же самое. И пусть это будут доказательства из почитаемого Корана и что–нибудь из преданий и стихов, чтобы мы увидели вашу образованность и красоту ваших речей". И невольницы ответили ему: "Слушаем и повинуемся!.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать пятая ночь

Когда же настала триста тридцать пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что невольницы сказали человеку из Йемена: "Слушаем и повинуемся!" И затем встала первая из них (а это была белая) и указала на черную и сказала: "Горе тебе, о черная!" Передают, что белизна говорила: "Я свет блестящий, я месяц восходящий, цвет мой ясен, лоб мой сияет, и о моей красоте сказал поэт:

Бела она, с гладкими щеками и нежная,

Подобна по прелести жемчужине скрытой"

Как алиф прекрасный стан ее, а уста ее

Как мим, а дуга бровей над нею – как нуны [366],

И кажется, взгляд ее – стрела, а дуга бровей

Как лук, хоть и связан он бывает со смертью.

Коль явит ланиты нам и стан, то щека ее

Как роза и василек, шиповник и мирта.

Обычно сажают ветвь в саду, как известно нам,

Но стана твоего ветвь – как много садов в нем!

Мой цвет подобен счастливому дню и сорванному цветку и сверкающей звезде.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И сказал Аллах великий в своей славной книге пророку своему Мусе (мир с ним!): "Положи руку себе за пазуху, она выйдет белою, без вреда" [367]. И сказал Аллах великий: "А что до тех, чьи лица побелеют [368], то в милости Аллаха они, и пребывают в ней вечно". Цвет мой – чудо, и прелесть моя – предел, и красота моя – завершение, и на подобной мне хороша всякая одежда, и ко мне стремятся души. И в белизне многие достоинства, как то, что снег нисходит с небес белым, и передают, что лучший из цветов белый, и мусульмане гордятся белыми тюрбанами, и если бы я стала припоминать, что сказано белизне во славу, изложение, право бы, затянулось. То, чего мало, но достаточно, – лучше, чем то, чего много и недостаточно. Но я начну порицать тебя, о черная, о цвет чернил и сажи кузнеца, и лица ворона, разлучающего любимых! Сказал поэт, восхваляя белизну и порицая черноту:

Не видишь ли ты, что жемчуг дорог за белый цвет,

А угля нам черного на дирхем мешок дают.

И лица ведь белые – те прямо вступают в рай,

А лицами черными геенна [369] наполнена.

И рассказывается в одном из преданий, передаваемых со слов лучших людей, что Нух – мир с ним! – заснул в какой-то день, а дети его – Сам и Хам – сидели у его изголовья. И набежал ветер и приподнял одежды Нуха, и открылась его срамота, и Хам посмотрел на него и засмеялся и не прикрыл его, а Сам поднялся и прикрыл. И их отец пробудился от сна и узнал, что совершили его сыновья, и благословил Сама и проклял Хама. И побелело лицо Сама, и пошли пророки и халифы прямого пути и цари из потомков его, а лицо Хама почернело, и он ушел и убежал в страну абиссинцев, и пошли чернокожие от потомков его. И все люди согласны в том, что мало ума у черных и говорит говорящий в поговорке: "Как найти черного разумного?"

И господин сказал невольнице: "Садись, этого достаточно, ты превзошла меру!" И потом он сделал знак черной, и она поднялась, и указала рукой на белую, и молвила: "Разве не знаешь ты, что приведено в Коране, низведенном на посланного пророка, слово Аллаха великого: "Клянусь ночью, когда она покрывает, и днем, когда он заблестает!" И если бы ночь не была достойнее, Аллах не поклялся бы ею и не поставил бы ее впереди дня, с этим согласны проникательные и прозорливые. Разве не знаешь ты, что чернота – украшение юности, а когда нисходит седина, уходят наслаждения и приближается время смерти? И если бы не была чернота достойнее всего, не поместил бы ее Аллах в глубину сердца и ока. А как хороши слова поэта:

Люблю я коричневых за то лишь, что собран в них

Цвет юности и зерна сердец и очей людских.

И белую белизну ошибкой мне не забыть,

От савана и седин всегда буду в страхе я.

А вот слова другого:

Лишь смуглые, не белые"

Достойны все любви моей.

Ведь смуглость в цвете алых губ,

А белое – цвет лишаев.

И слова другого:

Поступки черной – белые, как будто бы

Глазам она равна, владыкам света.

Коль ума лишусь, полюбив ее, не дивитесь вы,

Немочь черная ведь безумия начало.

И как будто цветом подобен я вороному в ночь,

Ведь не будь ее, не пришла б луна со светом.

И к тому же, разве хорошо встречаться влюбленным иначе как ночью? Довольно с тебя этого преимущества и выгоды. Ничто так не скрывает влюбленных от сплетников и злых людей, как чернота мрака, и ничто так не заставляет их бояться позора, как белизна утра. Сколько у черноты преимуществ, и как хороши слова поэта:

Иду к ним, и мрак ночей перед ними ходатай мой;

От них иду – белизна зари предает меня.

И слова другого:

Как много ночей со мной провел мой возлюбленный,

И нас покрывала ночь кудрей темнотой своих.

Когда же блеснул свет утра, он испугал меня,

И милому я сказала: "Лгут маги, поистине".

И слова другого:

Пришел он ко мне, закрывшись ночи рубашкою,

Шаги ускорял свои от страха, с опаскою,

И щеку я подостлал свою на пути его

Униженно, и подол тащил позади себя.

И месяца луч блеснул, почти опозорив нас,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Как будто обрезаю он, от ногтя отрезанный.

И было, что было, из того, что не вспомню я,

Так думай же доброе, не спрашивай ни о чем.

И слова другого:

Лишь ночью встречает тех, с кем будет близка она,

Ведь солнце доносит все, а ночь – верный сводник,

И слова другого:

Нет, белых я не люблю, от жира раздувшихся,

Но черных зато люблю я, тонких и стройных,

Я муж, что сажусь верхом на стройно–худых коней

В день гонки; другие – на слонах выезжают.

И слова другого:

Посетил меня любимый

Ночью, обнялись мы оба

И заснули. И вдруг утро

Поднялся торопливо

Я прошу Аллаха: "Боже,

Мы хотим быть снова вместе!

Ночь пускай еще продлится,

Раз мой друг лежит со мною!"

И если бы я стала упоминать о том, как хвалят черноту, изложение, право бы, затянулось, но то, что не велико и достаточно, лучше, чем то, что обильно и недостаточно. А что до тебя, о белая, то твой цвет – цвет проказы, и сближение с тобой – горесть, и рассказывают, что град и стужа в геенне, чтобы мучить людей дурных. А в числе достоинств черноты то, что из нее получают чернила, которыми пишут слова Аллаха. И если бы не чернота мускуса и амбры, благовония не доставлялись бы царям, и о них бы не поминали. Сколько у черноты достоинств, и как хороши слова поэта:

Не видишь ли ты, что мускус дорого ценится,

А извести белой ты на дирхем получишь куль?

Бельмо в глазу юноши зазорным считается,

Но, подлинно, черные глаза разят стрелами".

И ее господин сказал ей: "Садись, этого достаточно!" И невольница села, и затем он сделал знак упитанной, и та поднялась..."

И Шахразаду застигло утро, иона прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать шестая ночь

Когда же настала триста тридцать шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что йеменец, господин невольниц, сделал знак упитанной невольнице, и она поднялась и указала рукой на худощавую, и обнажила свой живот, так что стали видны его складки и показалась округлость ее пупка. А затем она надела тонкую рубашку, яз–под которой было видно все ее тело, и сказала: "Слава Аллаху, который сотворил меня и сделал мой образ красивым и наделил меня жиром и прекрасной полнотой и уподобил меня ветвям и увеличил мою прелесть и блеск! Слава ему за то, что он даровал мне, и за то, что почтил меня, когда помянул в своей великой книге, – велик он! – и привел упитанного тельца [370]. И он сделал меня подобной саду, где находятся сливы и гранаты. А жители городов желают жирных птиц, чтобы есть их, и не любят они птиц тощих, и сыны Адама хотят жирного мяса и едят его. Сколько в упитанности преимуществ, и как хороши слова поэта:

Прощайся с возлюбленной – снимаются путники

Но можешь ли ты, о муж, проститься с возлюбленной?

Расаживает она по дому соседнему,

Как жирная курочка – порока и скуки нет.

И я не видела, чтобы кто–нибудь остановился возле мясника и не потребовал бы у него жирного мяса. Сказали мудрецы: "Наслаждение в трех вещах: есть мясо, ездить верхом на мясе и вводить мясо в мясо". А ты, о сухопарая, – твои ноги – точно ноги воробья или печная кочерга, ты крестовина распятого и мясо порченного, и нет в тебе ничего радующего ум, как сказал о тебе поэт:

Аллах от всего меля спаси, что б заставило

Лежать рядом с женщиной, сухою, как лыко пальч.

Все члены ее – рога, бодают они меня

Во сне, и ослабнувшим всегда просыпаюсь я".

И ее господин сказал ей: "Садись, этого достаточно!" И она села.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И господин сделал знак худощавой, и та поднялась, подобная ветви ивы, или трости бамбука, или стеблю базилика, и сказала: "Слава Аллаху, который сотворил меня и создал прекрасной и сделал близость со мною пределом стремлений и уподобил меня ветви, к которой склоняются сердца! Когда я встаю, то встаю легко, а когда сажусь, то сажусь изящно; я легкомысленна при шутке, и душе моей приятно веселье. И не видала я, чтобы кто-нибудь, описывая возлюбленного, говорил: "Мой любимый величиной со слона". И не говорят: "Он подобен горе, широкой и длинной". А говорят только: "У моего любимого стройный стан, и он высок ростом". Немного пищи мне достаточно, и малость воды утоляет мою жажду. Мои игры легки и шутки прекрасны, я живее воробья и легче скворца, близость со мной – мечта желающего и улада ищущего, мой рост прекрасен и прелестна улыбка, я точно ветвь ивы, или трость бамбука, или стебель базилика, и нет по прелести мне подобного, как сказал обо мне сказавший:

Я с ветвью тонкой твой стан сравнил

И образ твой своей долей сделал.

Как безумный я за тобой ходи и

Так боялся я соглядатаев.

Из-за подобных мне безумствуют влюбленные и впадает в смущенье тоскующий, и если мой любимый привлекает меня, я приближаюсь к нему, и если он наклоняет меня, я наклоняюсь к нему, а не на него. А ты, о жирная телом, – ты ешь, как слон, и не насыщает тебя ни многое, ни малое, и при сближении не отдыхает с тобою друг, и не находит он с тобою пути к веселью – величина твоего живота мешает тебя познать, и овладеть тобой не дает толщина твоих бедер. Какая красота в твоей толщине и какая в твоей грубости тонкость и мягкость? Подобаает жирному мясу только убой, и нет в нем ничего, что бы требовало похвал. Если с тобою кто-нибудь шутит, ты сердишься, а если с тобою играют, – печалишься; заигрывая, ты сопишь, и когда ходишь, высовываешь язык, а когда ешь, не можешь насытиться. Ты тяжелее горы и безобразнее гибели и горя, нет у тебя движения и нет в тебе благословения, и только и дела у тебя, что есть и спать. Ты точно надутый бурдюк или уродливый слон, и когда ты идешь в дом уединения, ты хочешь, чтобы кто-нибудь помыл тебя и выщипал на тебе волосы – а это предел лени и образец безделья. И, коротко говоря, нет в тебе похвального, и сказал о тебе поэт:

Грузна как бурдюк она с мочею раздувшийся,

И бедра ее, как склоны гор возвышаются.

Когда в землях западных кичливо идет она,

Летит на восток тот вздор, который несет она".

И ее господин сказал ей: "Садись, этого достаточно!" И она села, а он сделал знак желтой невольнице, и та поднялась на ноги и восхвалила Аллаха великого и прославила его и произнесла молитву и привет избранному им среди созданий, а затем она показала рукой на коричневую невольницу и сказала..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать седьмая ночь

Когда же настала триста тридцать седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что желтая невольница поднялась на ногу и восхвалила Аллаха великого и прославила его, а затем она указала рукой на коричневую невольницу и сказала ей:

"Я восхвалена в Коране, и описал мой цвет милосердный и дал ему преимущество над всеми цветами, когда сказал – велик он! – в своей ясной книге: "Желтая, чист ее цвет, и радует он взирающих..." [371] И цвет мой чудо, красота моя – предел, и прелесть моя – совершенство, ибо мой цвет – цвет динара, цвет звезд и светил, и цвет яблока и образ мой – образ прекрасных и имеет цвет шафрана, превозносящийся над всеми цветами, и образ мой необычен, и цвет мой удивителен. Я мягка телом и дорога ценою, и я объяла все виды красоты, и цвет мой дорог в этом мире, как чистое золото. И сколько во мне преимуществ, и о подобной мне сказал поэт:

Ее желтизна блестит, как солнца прекрасный свет,

Динару она равна по виду красивому.

Не выразит нам шафран и части красот ее,

О нет, и весь вид ее возносится над луной.

А затем я начну порицать тебя, о коричневая цветом! Твой цвет-цвет буйвола, и видом твоим брезгают души, и если есть твой цвет в какой-нибудь вещи, то ее порицают, а если он есть в кушанье, то оно отравлено. Твой цвет – цвет мух, и он отвратителен, как собака. Среди прочих цветов он приводит в смущенье и служит признаком горестей, и я никогда не слыхала о коричневом золоте, или жемчуге, или рубине. Уходя в уединение, ты меняешь цвет лица, а выйдя, становишься еще более безобразной; ты не черная, которую знают, и не белая, которую описывают, и нет у тебя никаких преимуществ, как сказал о тебе поэт:

Цвет пыли, вот цвет ее лица; то землистый цвет,

Как прах, облепляющий прохожего ноги.

Едва на нее я брошу глазом хоть беглый взгляд,

Заботы усилятся мои и печали".

И ее господин сказал: "Садись, этого достаточно!" – и она села. И господин ее сделал знак коричневой невольнице, а она обладала прелестью и красотой, и была высока, соразмерна, блестяща и совершенна. И ее тело было мягко, а волосы – как уголь. Она была стройна телом, розовощека, с насурмленными глазами, овальными щеками, прекрасным лицом, красноречивым языком, тонким станом и тяжелыми бедрами. И сказала она: "Слава Аллаху, который не сделал меня ни жирной и порицаемой, ни худощавой и поджарой, ни белой, как проказа, ни желтой, как страдающий от колик, ни черной, цвета сажи – но, напротив, сделал мой цвет любимцем обладателей разума. Все поэты хвалят коричневых на всех языках и дают их цвету преимущество над всеми цветами. Коричневый цветом имеет похвальные качества, и от Аллаха дар того, кто сказал:

У смуглых не мало свойств, и если б ты смысл их знал,

Твой глаз бы не стал смотреть на красных и белых.

Умелы в словах они, и взоры играют их;

Харута пророчествам и чарам учить бы могли [372].

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И слова другого:

Кто смуглого мне вернет, чьи члены, как говорят,

Высокие, стройные самхарские копья.

Тоскуют глаза его, пушок его шелковист;

Он в сердце влюбленного всегда пребывает.

И слова другого:

Я ценю, как дух, точку смуглую на лице его,

Белизна же пусть превосходит блеском месяц.

Ведь когда б имел он такую точку, но белую,

Красота его заменилась бы позором.

Не вином его опьяняюсь я, но, поистине,

Его локоны оставляют всех хмельными,

И красоты все одна другой завидуют,

И пушком его все бы стать они хотели.

И слова поэта:

Почему к пушку не склоняюсь я, когда явится

На коричневом, что копью подобен цветом.

Но ведь всех красот завершение, – говорит поэт,

Муравьев следы, что видны на неньфаре [373].

И я видывал, как влюбленные теряли честь

Из за родинки под глазом его черным.

И бранить ли станут хулители за того меня,

Кто весь родинка? – Так избавьте же от глупых!

Мой образ прекрасен, и стан мой изящен, и цвет мой желанен для царей, и любят его все, и богатые и нищие. Я тонка, легка, прекрасна и изящна, нежна телом и высока ценою, и во мне завершилась красота, образованность и красноречие. Моя внешность прекрасна, язык мой красноречив, мои шутки легки, и игры мои изящны. А ты, – ты подобна мальве у ворот аль–Лук [374] – желтая и вся в жилах. Пропади ты, о котелок мясника, о ржавчина на меди, о видом подобная сове, о пища с дерева заккум! Тому, кто лежит с тобой, тесло дышать, и он погребен в могилах, и нет у тебя в красоте преимущества, как сказал о подобной тебе поэт:

Она очень желтая, хотя не больна она,

Стесняет она мне грудь, болит голова моя,

Когда не раскается душа, я срамлю ее,

Целую ту желтую, и зубы она мне рвет".

И когда она окончила свое стихотворение, ее господин оказал ей: Садись, этого достаточно!" А после этого..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать восьмая ночь

Когда же настала триста тридцать восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда невольница окончила свое стихотворение, ее господин сказал: "Садись, этого довольно!" А после этого он помирил невольниц и одел их в роскошные одежды, и подарил им дорогие камни, земные и морские, и не видал я, о повелитель правоверных, ни в какое время и ни в каком месте никого, краше этих прекрасных невольниц".

И когда аль–Мамун услышал эту повесть от Мухаммеда аль–Басри, он обратился к нему и спросил: "О Мухаммед, знаешь ли ты, где эти невольницы и их господин. Можешь ли ты купить их для нас?" И Мухаммед ответил ему: "О повелитель правоверных, до меня дошло, что их господин влюблен в них и не может с ними расстаться". – "Захвати для их господина по десять тысяч динаров за каждую девушку (а всего это составит шестьдесят тысяч динаров), и возьми их с собой, и отправляйся к нему, и купи у него невольниц", – сказал аль–Мамун. И Мухаммед аль–Басри взял у него эти деньги и отправился и, прибыв к господину невольниц, сказал ему, что повелитель правоверных желает купить у него этих девушек за столько–то.

Йеменец согласился их продать в угодую повелителю правоверных, и отослав невольниц к нему, и когда они прибыли к повелителю правоверных, он приготовил для них прекрасное помещение, и проводил с ними время. И девушки разделяли трапезу халифа, а он дивился их красоте и прелести и разнообразию их цветов и их прекрасным речам. И таким образом они провели некоторое время, а потом у их первого господина, который их продал, не стало терпения быть в разлуке с ними. И он послал письмо повелителю правоверных аль–Мамуну, где жаловался ему на то, какова его любовь к невольницам, и содержало оно такие стихи:

"Шесть прекрасных похитили мою душу,

Шесть прекрасных – привет я им посылаю.

Мое зренье и слух они, моя жизнь в них,

Мой напиток и кушанье и услада,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Не забуду сближения с красотой их,

Сна приятность, когда их нет, удалилась.

Ах, как долго печалился и рыдал я,

Мне бы лучше среди людей не родиться!

О глаза, что украшены дивно веком!

Точно луки, – в меня они мечут стрелы".

И когда это письмо попало в руки халифа аль–Мамуна, он облачил девушек в роскошные одежды, дал им шестьдесят тысяч динаров и послал их к господину. И они прибыли к нему, и он им обрадовался до крайних пределов, больше чем деньгам, которые пришли с ними. И жил с ними наилучшей и приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.